

Л.И. Ш е р с т о в а

**ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЮЖНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XIX в.***

Политика России в первой половине XIX в. по отношению к аборигенному населению Сибири соединяла в себе две традиции. Первая – назовем ее *евразийской* – сохраняла принципы, сложившиеся в московский период российской государственности, на него приходится начало освоения Сибири. Вторая – условно говоря, *европейская* – связана с дальнейшим структурированием российского общества, с общим реформированием управления Сибирью, основанном на «Уставе об управлении инородцев», составленном под началом М.М. Сперанского в 1822 г. В этот период усилилось европейское влияние во всех сферах российской государственности.

Сибирские аборигены получили свое, четко регламентированное место в российской сословной стратификации, свой юридический статус с присущим только ему набором прав и обязанностей. В правовом поле социальное начало довлело над этническим, а в реальной жизни совмещалось с ним. Такова была определяющая характеристика как политики государства в отношении инородцев**, так и общей ментальной установки и русских, и аборигенов.

Идеи Екатерины II об автономии Сибири («Сибирское царство» и пр.) и о необходимости формирования либеральной колониальной политики¹ вполне реализовались «Уставом» М.М. Сперанского. Инородцы, сохранив свои прежние права и «земли, ими обитаемые», а также «полную свободу вероисповедания», управляемые «своими родоначальниками» по своим собственным обычаям², получили по сути своеобразную «инородческую автономию». Одновременно возрастала численность русских в Сибири.

Этнополитическая ситуация в Южной Сибири осложнялась в ту пору тремя обстоятельствами. Во-первых, окончательное включение этого региона в состав России произошло поздно (по сравнению с другими территориальными приобретениями Российской империи). Это было связано с джунгаро-китайскими войнами и гибелью Джунгарского ханства в 1750-е годы, вызвавшей проблему «джунгарского наследства» во взаимоотношениях России и Китая (в частности, вопрос о бывших данниках ханства, о границах). Во-вторых, территориальные рамки Алтайского горного округа и его юрисдикция оказались наложенными на южносибирские земли, вследствие этого возникли заметные противоречия между окружной администрацией и томскими губернскими властями. В-третьих, после образования Енисейской губ. и ее территориального размежевания с Томской губ. (до конца не утрясенного вплоть до 1890-х годов), часть тюркоязычного населения Саяно-Алтая с прилегающей к нему Минусинской котловиной оказалась в новом административном подчинении, а более или менее устоявшиеся этносоциальные связи были потревожены или даже нарушены.

Появление «евразийской традиции» в российской государственности связано с влиянием политических институтов и духа Золотой Орды на становление Московского царства, нередко прямо перенимавшего социально-податную систему и конкретные элементы структуры «византийско-монгольского эталона»³. В первую очередь это проявлялось в характерном для империи Чингисхана и ее политических наследников

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 98-01-00331).

** Здесь и далее по тексту термин *инородцы* дается без кавычек как официальное понятие государственной политики в рассматриваемый период и обозначает аборигенное население Южной Сибири.

(к которым в определенном отношении принадлежала и Московская Русь) восприятию государственного устройства: единицей его был улус, под которым понималась не столько территория как таковая, сколько «владение», «народ, данный в феодальное держание»⁴. Исходя из этого, строилась вся административная структура государства: Москва воспринимала сибирских аборигенов именно как улус и, как правило, употребляла по отношению к ним смысловую, даже фонетически созвучную кальку *во-лость* – т.е. «власть», «владение». Ментальная посылка очевидна: «властвуют» над людьми, на земле живут, к ней прилагают труды, чтобы Мать-Земля (тюрко-монг. Йер-Суу) не забывала о жизнеобеспечении своих детей. Иными словами, русский термин «волость», как и его тюрко-монгольский аналог «улус», подразумевал не столько понятия «земли», «территории», сколько сохранял исходный смысл – «зависимое, подвластное население». Потому русская восточная экспансия преследовала цель не столько присоединить территории как таковые (тем более в русском евразийском менталитете земля – Божья, т.е. ничья), сколько обложить население *ясаком* – где бы оно ни обитало и куда бы ни передвигалось, причем в как можно большем числе. Отсюда и создание таких податных единиц, которые определялись бы самим наличием тяглого контингента, а не жесткой пространственной привязкой и географическими границами. Вслед за естественной подвижностью населения следовала и фиксируемая во множестве русских документов XVII в. «подвижность» волостей или даже *землиц*: «ачинские волости ясашные люди неведомо куда побежали»; «а та Мелецкая земля пришла к киргизам»⁵; «Басагарские и Васюганская волость подошли к киргизам ближе»; «волости живут позади киргиз»⁶ и т.д. Поэтому стоило исчезнуть ясачному населению, автоматически исчезала и волость. Еще одним следствием несоответствия населения с конкретной территорией явились частые целенаправленные переселения отдельных волостей, даже этнических групп с места на место в течение всего XVII в. (вспомним аналогии эпохи Чингиза и Бату-хана). В XVIII в. власти и России, и Джунгарии насильно перегоняли спорное население вглубь своих владений (енисейские киргизы, телеуты, алтайские калмыки-урянхайцы и др.). Подобная практика продолжалась и в первой половине XIX в.: в 1830-е годы из Шуйской вол. Кузнецкого округа в Кумышскую вол. первой половины Томского округа переселено 36 душ «мужеска пола», а в Нижнекумандинскую вол. Бийского округа – 43 души; из Телеутской вол. первой половины Кузнецкого округа в седьмую алтайскую дючину Бийского округа переселено 39 душ и т.д.⁷ Но переселенцы, пребывая на новом месте, иногда продолжали числиться в составе своих прежних волостей.

В результате всех этих мероприятий в разных округах или уездах одной и той же губернии появлялись и исчезали одноименные волости. В Томской губ. в рассматриваемое время фиксируется три Кумышские волости – в Барнаульском, Кузнецком, Томском округах; три Телеутские (не считая половин) – в Бийском, Томском, Кузнецком округах; две Шуйские – в Кузнецком и Томском округах и т.д.⁸ Перетасовки людей и их групп в XVII – начале XIX в. усложняли, искажали первоначальную этническую карту Южной Сибири, замедляя или переориентируя в аборигенной среде консолидационные и иные этнические процессы.

Между прочим, весьма наглядным воплощением постулата «волость – это тягловые люди, а не земли» явилось существование до 1819 г. в Томске в рассеянном состоянии «Казанской татарской ясашной волости» из 15 семейств здешних коренных татар⁹. Проявлением же «улусного» административного устройства вообще было длительное сохранение разнотипных групп населения различного подчинения, проживающих на одной территории. Так, в Бийском округе государственные крестьяне и инородцы, жившие на заводских землях, подчинялись губернским властям, а приписные – Алтайскому горному ведомству. Само появление горных чиновников в становищах и юртах инородцев вызывало у последних недоумение, а губернской администрацией воспринималось как покушение на ее прерогативы. Попытки же «стеснения» заводскими крестьянами инородцев (особенно по земельному вопросу) вызывали протесты и претензии губернии к горному ведомству; проводить какие-либо землеустроительные

работы на заводских территориях губернские землемеры не имели права¹⁰. Словом, и в первой половине XIX в. по отношению к инородцам «население» и «территория» в административном плане по-прежнему не совпадали.

В этот период продолжало сохраняться и совместное, чересполосное землепользование инородцев и крестьян. Эта традиция была столь прочна, что проблема размежевания в Южной Сибири не была решена и в начале XX в., несмотря на Указ Томской Казенной палаты от 12 августа 1854 г. об отделении «земель, владеемых инородцами, от дач государственных крестьян»¹¹ и на наличие в Уставе 1822 г. положения «о землях инородцев». Более того, можно предположить, что именно «Устав» М.М. Сперанского способствовал укреплению, а кое-где и появлению у конкретных аборигенных групп представлений о своих «особых» правах на земли, «ими обитаемые»: поскольку с XVII в. естественные границы этнических территорий аборигенов постоянно «блуждали», рассекались, менялись, а «улуное» административное устройство функционировало, постольку лишь урегулирование внешнеполитических проблем в совокупности с усилением «европейских тенденций» и с введением специального «Устава» об устройении инородцев как сословия могли реально воздействовать на «прикрепление» данного населения к конкретной территории, а значит, и на формирование прочного представления о правах на свои земли. Последние при этом начинали постепенно осмысливаться осевшими на них аборигенными общностями как этнические территории.

Еще одним проявлением «евразийского наследия» в государственной политике можно считать очень раннее включение изрядной части сибирских аборигенов в служилое сословие. Материалы XVII–XVIII вв. убедительно показывают, что местное население (совсем не обязательно крещеное) активно привлекалось к воинской, подводной, строительной службе. К тому же русские власти, особенно поначалу, постоянно и целенаправленно выделяли «князцов», «лучших людей» (далеко не всегда соотнося с местной традицией и иерархией) и приобщали их к ясачному сбору с соплеменников. По сути дела Устав 1822 г. закрепил не прямое колониальное правление в Сибири через включение местной верхушки (нередко искусственно созданной русскими властями) в низшее административное звено. Князцы, есаулы и прочие подобные лица за свою службу государству получали знаки отличия и награды, а *зайсаны* алтайских калмыков удостоились даже «записи» в русское дворянство, будучи пожалованы майорскими чинами.

Таким образом, суть «евразийской политики» в России определялась несколькими главными установками: этносы, ее населявшие, друг другу не противопоставлялись по этнокультурному признаку как первопричине; сибирские аборигены воспринимались, прежде всего, не как чуждый этнически, расово, конфессионально контингент, а как податное сословие, отличие которого от крестьян сводилось лишь к выплате подати «мягкой рухлядью»; этническая или расовая принадлежность «ясашных» была не существенна; относительно инородцев отсутствовали оценочные, сравнительные, а тем более уничижительные (по крайней мере устойчиво обобщенные, официально директивные) характеристики.

Такое «спокойное» отношение к нерусским народам объективно порождалось и поддерживалось особым состоянием и самого русского этноса, и большинства народов Сибири, качественной равновеликостью русских и сибирских аборигенов с этнических позиций. И те, и другие пребывали в переходном состоянии, являясь «открытыми этносами», у которых процессы этнической консолидации либо не завершились, либо (как у русских) шли замедленно из-за постоянного «впитывания» иноэтничных компонентов и постоянного расширения этнической территории; за таким «впитыванием» не успевал биологический рост численности этнопопуляции. Отсюда – этнографическая и этнокультурная неопределенность «открытых» этносов, их размытое, неоформленное этническое самосознание, а следовательно, отсутствие жесткой, категоричной оппозиции «свой – чужие». Отсюда же масштабность ассимиляционно-аккультурационных процессов в Сибири, ход и результат которых существенно отличал Россию от других

европейских колониальных стран: здесь так и не сформировалась особая массовая (или тотальная) переходная метисная группа населения, противопоставлявшаяся как местному коренному, так и пришлому населению, как это случилось, например, в Латинской Америке¹².

Сибирские аборигены напрямую «включались» непосредственно в русский этнос: после принятия православия они формально становились русскими, самоотождествлялись с ними, часто де-юре. Особенно интенсивно этот процесс протекал в XVII в., проявившись и в формировании сибирского казачества в XVIII в. Отсюда и антропологическая пестрота последнего: калмыки, буряты, татары, тунгусы и др., крестившись, подверстывались в казачье сословие, обретали его права и привилегии и сами собою оказывались «русскими».

В начале XIX в., на основании Указа от 22 мая 1808 г. и Мнения Государственного Совета от 13 февраля 1819 г., дворовые калмыки могли получать свободу и записываться в любые сословия. Так, на основании этих документов дворовые калмыки умершего томского купца Шумилова – Спиридон и Иван Васильевы – обрели вольную. Спиридон Васильев изъявил желание перейти в крестьянское сословие и поселился в д. Любимовке Спасской вол. Томского у., а его брат Иван стал мещанином г. Томска¹³. Установить, хотя бы приблизительно, количество таких «русских мещан и крестьян» в Томской губ. по документам просто невозможно.

Описываемый процесс несколько замедлился после обнаружения упомянутого выше Устава об управлении инородцев (1822 г.), ибо в нем проявилась еще одна «европейская тенденция»: подход к этносам с точки зрения уровня их развития, «степени цивилизованности». Именно этот принцип был положен в основу выделения разрядов сибирских инородцев: от бродячих и кочевых к оседлым – «наиболее высоко развитым». Последние по существу приравнивались к русским крестьянам не только де-факто, но и де-юре. Таким образом, в государственную политику проникало представление о неравнозначности этносов, о линейности исторического развития, о государственной задаче «окультурить» всех аборигенов, подтянуть их всех в разряд оседлых инородцев. Появились оценочные суждения о сибирских этносах с позиции «культурные – некультурные», «правильные – неправильные» и т.д. Тут как нельзя кстати пришлась позиция церкви, довольно рано поставившей своей целью споспешествовать «окультуриванию» (т.е. государственной русификации) инородцев через осенение их светом Веры Христовой.

В то же время по букве и духу «Устава» даже те аборигены, которые уже были сильно русифицированы и, «исповедуя православную веру, в семейном и домашнем быту ведут себя согласно русским коренным поселянам»¹⁴, получили свои Инородные управы. Например, из Смоленской вол. Бийского округа, в которой инородцы и русские давно жили смешанно, в результате работы Ясачной комиссии 1828–1835 гг. были выделены три инородные управы: Быстрянская, Сарасинская и Кокшинская.

В целом же «Устав», закрепив за аборигенами сословную принадлежность к инородцам со своим особым статусом, создавал реальные возможности для их собственного этногенеза (новых витков глобального и евразийского этногенеза)¹⁵. Через дальнейшее сближение групп населения (иногда разнородного) в пределах полукосвенных волостей, управ и дум усиливались консолидационные процессы на «своей» территории, возникали предпосылки для формирования собственного этнического самосознания. Следовательно, укреплялась тенденция, которая вела к сложению современных тюркоязычных этносов и именно тогда окончательно обозначились очаги этногенезов будущих шорцев, хакасов, алтайцев, кумандинцев, телеутов и др. Иными словами, первичным импульсом для раскручивания наметившегося уже витка конкретных этногенезов в Южной Сибири послужили административно-социальное переустройство и упорядочивание инородцев.

Тем не менее и устав Сперанского не создал непреодолимого барьера между русскими и аборигенами. Во-первых, в нем оговаривалась возможность перехода инородцев в крестьянское и мещанское сословия. Так, с 1833 по 1860 г. только в Ужур-

ской вол. Енисейской губ. было переведено в крестьяне 113 семей инородцев Степной Кизильской Думы¹⁶. Во-вторых, оседлые инородцы хотя и обрели свои Инородные управы, уже ничем, даже языком, от русских не отличались. Их современные потомки помнят, что происходят из «ясашных», но не употребляют по отношению к себе термина «инородцы», «нерусские», т.е. этническое сознание этой группы сибирского населения зафиксировало ее особый податный статус, но никак не этнокультурные отличия от русских, сильно размытые еще в XIX в. В-третьих, известны случаи, когда «исконно русские» всеми силами пытались удержать свой «ясашный статус» (бухтарминские старообрядцы) либо записывались в «ясашные инородцы», видя в этом свою экономическую выгоду.

Как уже отмечалось, для открытых этносов типична подмена этнического самосознания конфессиональным: при нечеткости собственных этнографических и этнических признаков, аморфности самоидентификации религия усиливает процессы формирования этносов, их культурного сближения или размежевания. Этности, прошедшие естественным путем формирования и достигшие конечного рубежа консолидации, знаменуют завершение этого процесса созданием собственной этнической религии (или вообще идеологии), жестко отмежевываясь с ее помощью от остального мира (только мы, «адепты веры» – настоящие люди, остальные опасные чужаки). Именно так получилось в Горном Алтае у алтай-кижи к началу XX в.¹⁷ Этности же, по объективным причинам задержавшиеся в состоянии «открытости», ощущая свою этническую незавершенность, подсознательно стремясь к результативной консолидации, нередко используют в качестве «этнокатализатора» ту или иную мировую религию, более или менее легко допускающую синкретизм с их архаическими верованиями. Наиболее адекватно их переходному состоянию воспринимались «наднациональность» мировых религий и их призыв к единению разных групп на основе единения.

Если православие расширяло этническую базу дальнейшего формирования русского этноса в Сибири (еще и потому, что «открытые» местные этности легко воспринимали чужую, адаптированную религию, соответствовавшую их полусознанным устремлениям к этнической самоидентификации), то ислам реализовал здесь противоположную тенденцию – тенденцию новой фазы этнической истории части сибирских тюрков в зоне интенсивной русификации. Налагаясь на нечеткое, аморфное самосознание этих этнических массивов, он исподволь формировал некие общие этнокультурные признаки. В процессе исламизации местного населения не последнюю роль сыграла уголовная ссылка. Подобно тому как высланные православные уголовники расселялись либо в русских сибирских волостях, либо на «пустопорожних землях», тюрки Европейской России (в первую очередь казанские татары) селились в ссылке в сибирско-татарских волостях. Упомянутая выше городская Казанская ясашная волость с 15 домохозяйствами с 1815 по 1819 г. приняла в себя «на поселение» 13 чел., «на пропитание» – 15 чел. (всего 28 поволжских татар, совершивших уголовные деяния)¹⁸. По документам того времени, уже в первое десятилетие XIX в. количество ссыльных татар в Томске было значительным и продолжало расти. Новопоселенцы, как правило, были мусульманами, что, естественно, влияло на религиозную ориентацию местных татар, усматривавших в исламе этноотличительный от русских признак. Ссылные расселялись и в пригородных юртах, и в тюркских поселках Томского и Омского округов, укрепляя позиции ислама в сибирско-татарской среде и, следовательно, меняя этнокультурный облик зуштинцев, чатов, калмаков, барабинцев.

В 1849 г. в Томске проживало 212 томских оседлых татар обоюбого пола, все они были мусульманами¹⁹. Таким образом, быстрое распространение ислама среди томского татарского населения пресекло его русификацию и по сути сформировало его новый этнокультурный облик. Этим, в частности, объясняется тот факт, что наиболее отдаленные от города тюркоязычные волости, в меньшей мере испытывавшие приток поволжско-татарских ссыльных (а позднее – «вольной» татарской миграции из-за Урала), результативнее подвергались русификации. В то же время томские, вообще

городские и пригородные татары испытали сильнейшее влияние конфессионального фактора, который выступил в роли этноформирующего, т.е. в этноконфессиональном качестве²⁰. Это стало особенно заметно к концу XIX в., когда муллы из Казани развернули широкую проповедническую деятельность в Сибири, в Казахских степях, в Средней Азии.

Итак, в государственной политике по отношению к сибирским аборигенам в России первой половины XIX в. проявились и совместились «евразийская» и «европейская» традиции. Первая определяла тенденцию включения сибирского населения не только в социальную структуру Российской империи, но и в состав русского этноса как такового. Ее следствием стала мощная русификация аборигенов лесостепного Обь-Енисейского междуречья и предгорий Саяно-Алтая. Ведущую роль здесь, как сказано, играли процессы аккультурации: ясачное население, с момента принятия «Устава» называемое официально инородческим, или его часть (как было в Кумышских, Темерчинской, Быстрианской, Сарасинской, Шуйской, Ячинской, Тогульской, Тагабской волостях, в Кизилской и Койбалльской степных инородных управах и т.д.) не столько пополнило собой состав формирующихся в этносы здешних тюркоязычных этнических общностей, сколько влилось в контингент русских сибиряков начала XX в. Соответственно это население стало именно русским, хотя и несколько отличавшимся от русских метрополий.

«Европейская» традиция скорее вольно, нежели невольно, была направлена на отмежевание сибирских аборигенов от прочих этнических и социальных подразделений Российской империи, (по крайней мере юридическое), на превращение их в своеобразное сословие. Тем самым она неизбежно катализировала этноконсолидационные процессы внутри тюркоязычного мира Южной Сибири. Различная административная привязка этнически аморфного населения (хотя и родственного по происхождению и языку), внутриволостной характер консолидационных процессов, многократные переселения, разномасштабное и разнонаправленное влияние конфессионального фактора, неуклонный рост собственно русского населения – все это оказывало воздействие на ход этнических процессов и создало (нередко искусственно) новые очаги конкретных этногенезов современных тюркских этносов Сибири²¹. Совмещение обеих традиций государственной инородческой политики в конечном счете сказалось на разнонаправленности, «рывкообразности» этнических процессов в аборигенной среде, а значит, и на их результативности.

Особенностью российской государственности было то, что появление одних тенденций вовсе не исключало существования и действенности других. Поэтому в практической жизнедеятельности государства фактически в течение всего XIX в. одновременно функционировали и приносили результаты две, казалось бы, взаимоисключающие, но на деле дополняющие одна другую традиции административно-социальных и этнополитических внутренних устроений. Первопричина всего кроется опять-таки в «стабильно переходном», открытом состоянии русского этноса, в чрезвычайной обширности его реальной и потенциальной этнической территории.

Примечания

¹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб., 1882. С. 107.

² Полный свод законов Российской империи. Собр. I. Т. XXXVIII. №29, 126.

³ Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 118.

⁴ Там же.

⁵ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., Л., 1941. С. 264.

⁶ Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995. С. 31.

⁷ Государственный архив Томской обл. (далее – ГАТО). Ф. 144. Оп. 1. Д. 54. Л. 66, 69.

⁸ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. Л. 1150, 1247.

⁹ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 961. Л. 81–82.

¹⁰ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 53. Л. 14–15; Ф. 144. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–22.

¹¹ ГАТО. Ф. 144. Оп. 1. Д. 472. Л. 51.

¹² Ср.: *Котовская М.Г.* Этнические процессы в Бразилии. М., 1985. С. 25–60.

¹³ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 880. Л. 9 об.

¹⁴ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. Л. 425.

¹⁵ Определяя сущность категории «этногенез», автор приближается к мнению Л.Н. Гумилева, который понимал под этногенезом не только начальную стадию этнической истории, но и всеобщий закономерный процесс. Точкой, обозначающей окончание этногенеза, служит появление отчетливого этнического самосознания. Автор статьи различает конкретный этногенез отдельного этноса во времени и пространстве и глобальный этногенез – естественно-исторический процесс бытия этнизированной системы «человечество – земля – человечество». См.: *Шерстова Л.И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. Томск, 1999.

¹⁶ *Ярилов А.А.* Кизилцы и их хозяйство. Юрьев. 1889. С. 187.

¹⁷ Подробнее о бурханизме как об этноконфессиональном феномене, национальной религии алтай-кижи, см.: *Шерстова Л.И.* Этноконфессиональная общность. К проблеме эволюции субэтносов // *Расы и народы.* М., 1991. Вып. 21. С. 34–40; *ее же.* Бурханизм в Горном Алтае. Истоки национальной идеологии и тенденции ее развития // *Народы Сибири. Сибирский этнографический сборник.* Кн. 3. Вып. 8. М., 1997. С. 171–215; *ее же.* Тайна долины Теренг. Горно-Алтайск, 1997.

¹⁸ ГАТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 961. Л. 81–82.

¹⁹ ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. Л. 328.

²⁰ *Шерстова Л.И.* Этноконфессиональная общность. С. 34–35, 43–44.

²¹ *Шерстова Л.И.* Переходные этносы и формы этнической самоидентификации // *Американский и сибирский фронт.* Томск, 1997. С. 144–154.

L.I. Shersova. State policy and its influence on the ethnic processes in South Siberia in the first half of the 19th century

The Russia's Government's policy conducted with reference to the native population of Siberia was marked with two tendencies: 1) preservation of the life supporting basis of native populations, and 2) transformation of the system of management as based on the «Management Regulations for Different Nationalities» (1822). The realigning of the population in connection with changes in the borders of administrative units often resulted in the disruption of traditional ethnosocial ties. Native people were frequently registered as members of peasant or petty bourgeois estates, being thus included into the composition of the Russian Siberians. At the same time, however, some new Turkic-language ethnoses were being formed.

© 2000 г., ЭО, № 4

Э.-Б.М. Гучинова

КАЛМЫКИ В США: КАЛЕЙДОСКОП ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Прошло почти полвека, как калмыки поселились в США. За это время из беженцев они превратились в полноправных граждан страны, сумев сохранить многие традиционные идентичности и приобрести новые, успешно войти в большое общество. Настоящая статья, посвященная множественным идентичностям членов калмыцкой общины в США, основывается на исследовательских работах американских и российских антропологов и личных полевых наблюдениях автора 1997–1998 гг. Наиболее ценными представляются устные рассказы, собранные автором в Нью-Джерси и Пенсильвании, поскольку «культура – это сеть историй, индивидуальных и коллективных»¹.

История изучения. Оказавшись в Филадельфии, калмыки практически сразу прив-